

**ЛЕЧЕБНЫЕ МЕРЫ И МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ
В РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛАХ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР
1919 ГОДА
КАК ПРООБРАЗ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА**

**THERAPEUTIC MEASURES AND PRECAUTIONARY MEASURES
IN THE GUIDELINES ON CRIMINAL LAW OF THE RSFSR
1919 YEAR
A PROTOTYPE OF OTHER MEASURES OF CRIMINAL LAW**

Назаров А.А.

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0001-8172-8906>*

Nazarov A.A.

*Postgraduate student of Criminal law and criminology department
Kuban State University*

Аннотация: В статье анализируются предусмотренные в Руководящих началах по уголовному праву 1919 года лечебные меры и меры предосторожности, являющиеся прообразом иных мер уголовно-правового характера, регламентированных в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации. Автор прослеживает эволюцию названного уголовно-правового института в наиболее значимых источниках отечественного уголовного права – Руководящие начала, Уголовные кодексы РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г., Уголовный кодекс РФ 1996 г. В статье показано, как постепенно расширяется и совершенствуется система норм, регулирующих принудительные меры медицинского и воспитательного характера, трансформируется конфискация имущества – из вида наказания в Руководящих началах и советских кодексах 1922, 1926 и 1960 гг. в иную меру уголовно-правового характера в УК РФ 1996 г., увеличивается их количество (в частности, за счет судебного штрафа в действующем уголовном законе). Завершая рассмотрение, автор заключает, что лечебные меры и меры предосторожности, о которых речь шла в Руководящих началах 1919 г., сформировали абрис института иных мер уголовно-правового характера, предусмотренного ныне в Уголовном кодексе РФ 1996 г.

Ключевые слова: руководящие начала, уголовное право, лечебные меры, меры предосторожности, эволюция, революционные трибуналы.

Annotation: The article analyses the medical and precautionary measures provided for in the 1919 Guidelines on Criminal Law, which are based on other criminal and legal measures regulated in the current criminal legislation of the Russian Federation. The author traces the evolution of the said criminal law institute in the most important sources of domestic criminal law – Guiding principles, Criminal Codes of the RSFSR 1922, 1926, 1960, Criminal Code of the Russian Federation 1996. The article shows, how the system of rules governing compulsory medical and educational measures is gradually being expanded and improved, the confiscation of property is transformed – from the type of punishment in the Guiding Principles and Soviet Codes 1922, 1926 and 1960 to another measure of criminal law in the Criminal Code of the Russian Federation 1996, the number of such cases (in particular, through a court fine in the applicable criminal law). Concluding the examination, the author concludes that the curative and precautionary measures referred to in the 1919 Guidelines formed an abris of the institution of other measures of a criminal law nature, now provided for in the 1996 Criminal Code.

Keywords: guidelines, criminal law, curative measures, precautionary measures, evolution, revolutionary tribunals.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.¹ (далее – Руководящие начала) подытоживали не только практику народных судов в области наказания преступников, но и практику революционных трибуналов. Вместе с тем их установка в отношении гуманности не могла резко расходиться с духом партийной программы². Статья 25 документа подчеркивала: «В соответствии с задачей ограждения порядка общественного строя от нарушений, с одной стороны, и с необходимостью наибольшего сокращения личных страданий преступника – с другой, наказание должно разнообразиться в зависимости от особенностей каждого отдельного случая и от личности преступника». В то же время Руководящие начала на первый план выдвигают не задачу довольно отдаленного (с точки зрения момента, когда они писались) будущего в виде замены системы наказания системой мер воспитательного характера, а задачу актуальную для своего времени: «Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно». В соответствии с общей установкой Руководящие начала добавляют, что наказание должно быть «совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий».

Стоит заметить, что названный нормативный источник уделял внимание не только наказанию, а формулировал положения, которые (возможно, с известной долей условности), с точки зрения современных воззрений и подходов, можно отнести к иным мерам уголовно-правового характера. Раздел «О преступлении и наказании» Руководящих начал в п. 14 содержал указание на возможность применения лечебных мер и мер предосторожности. В свою очередь последние служили базой для мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам, совершившим противоправное деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие не отдавали себе отчета в своих действиях, а равно и к тем, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия,

но к моменту приведения приговора в исполнение страдал душевной болезнью.

Если с лечебными мерами все более или менее понятно, то никаких разъяснений относительно мер предосторожности Руководящие начала не содержали. Полагаем, что конкретное наполнение этого понятия тоже было отдано на откуп правоприменителям. Можно также предположить, что указанные меры (как лечебные, так и предосторожности) могли применяться к лицам, злоупотребляющим психоактивными веществами (в частности, наркотиками), тем более что в годы Первой мировой и Гражданской войн таких было немало.

К наказаниям Руководящие начала причисляли и конфискацию имущества, которая, таким образом, не относилась к мерам предосторожности, но ныне тоже имеет статус иных мер уголовно-правового характера. Она, согласно названному документу, могла быть полной или частичной. Таким образом, можно сделать заключение о том, что постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. по своей сути стало одним из первых актов, прямо или опосредованно создавших абрис современного института иных мер уголовно-правового характера.

Статистика соответствующего периода свидетельствует о достаточно стабильной динамике применения судами лечебных мер и мер предосторожности. Так, народными судами в пределах РСФСР с 1919 по 1921 гг. на 100 осужденных в среднем к имущественным взысканиям в 1919 г. было приговорено около 46 человек, а к другим наказаниям, в том числе и лечебным мерам, около 4 человек. В 1920 г. это соотношение составило 30 и 6 человек, а в 1921 г. – 28 и 11. Не менее важной является и статистика революционных трибуналов на 100 осужденных в среднем. Так, в 1920 г. к имущественным взысканиям приговаривалось около 10 человек, к другим наказаниям, в том числе и лечебным мерам, – 18. 1921 г. – около 7 и 33 соответственно³.

Говоря о последующем развитии уголовного законодательства, основу для формирования и развития которого заложили Руководящие начала, необходимо заметить, что в отличие от них, Уголовный кодекс РСФСР

¹ Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: утв. постановлением Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Основы и задачи советской уголовной политики / под ред. Е.Г. Ширвиндта. Москва, Ленинград, 1929. С. 11.

³ Чельцов-Бебутов М.А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. С. 70-71.

1922 г.⁴ (далее – УК 1922 г.) уже не краткая «инструкция», дающая неограниченный простор суду, а такая же «книга законов», как любое европейское уложение, со всей полнотой регламентирующее в Общей части основополагающие установления, касающиеся преступления и наказания, и содержащее в Особенной части перечень отдельных видов преступлений и следующих за их нарушение санкций⁵. Но, с другой стороны, в самом своем подходе к преступлению и его отдельным проявлениям он резко отличался от всех других кодексов. Законодатель объявляет, что задача Кодекса – правовая защита государства трудящихся от преступлений и от общественно-опасных элементов, которая осуществляется путем применения наказания или других мер социальной защиты к нарушителям революционного правопорядка. Тем самым УК 1922 г. определился в принципиальном отношении не как продвижение вперед, а как отступление в важнейших, с точки зрения теоретической выдержанности, вопросах.

Положения, касающиеся лечебных мер и мер предосторожности, получили в УК 1922 г. дальнейшее развитие. В ст. 17 Кодекса они упоминаются в статусе мер социальной защиты. Их предназначением являлось оказание соответствующего воздействия на строго определенные категории граждан. В ст. 46 законодатель конкретизирует эти меры, разграничивая их на: а) помещение в учреждения для умственно или морально дефективных; б) принудительное лечение; в) воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом; г) удаление из определенной местности; д) отдача несовершеннолетнего на поруки указанным в законе категориям лиц – родителям и др. Однако в примечании к ст. 17 УК 1922 г. законодатель ограничивает круг лиц, к которым применяются определенные меры социальной защиты, перечисленные в ст. 46, исключая из них лиц, которые привели себя в состояние опьянения для совершения преступления (при этом вид опьянения не конкретизируется, позволяя предположить, что он мог быть любым). Возникает вопрос относительно лиц, которые в момент совершения преступления находилось в

состоянии опьянения, но специально с целью совершения противоправного деяния себя в него не приводило? Возможно, в этом случае могла быть применена ст. 47, позволяющая помещать таких лиц в лечебное заведение? Однако указанная норма предусматривала соответствующие меры в качестве альтернативы наказанию. Поэтому остается неясным, могло ли принудительное помещение в лечебное учреждение применяться наряду с наказанием, например, при назначении наказания, не связанного с лишением свободы.

По мере развития нового общественного строя необходимая самодисциплина начинает все более и более достигаться мерами общественного и морального воздействия. В связи с этим и по вопросу о задачах репрессии становится возможным и действительно происходит воспроизведение советским законодательством на новой высшей ступени развития установки, намеченной еще в Руководящих началах. В УК РСФСР 1926 г.⁶ (далее в тексте – УК 1926 г.) в ст. 9 в качестве цели применения мер социальной защиты указывается прежде всего «предупреждение новых преступлений со стороны лиц, совершивших их». Последующие пункты говорят о цели воздействия на других неустойчивых членов общества; цели приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся. Несмотря на то, что последняя предусмотрена в пункте «е», это отнюдь не означало, что она была отодвинута на «третий план».

В примечании к ст. 11 УК 1926 г., содержащей исключения из круга лиц, к которым применяются меры социальной защиты судебно-исправительного характера, в отличие от ст. 17 УК 1922 г. закон говорит не о приведении себя в состояние опьянения с целью совершения преступления, а просто о нахождении в последнем. Относительно разграничения применяемых судом мер необходимо заметить, что если УК 1922 г. понимал под мерами социальной защиты принудительное лечение и помещение в лечебное учреждение, то в УК 1926 г. они дифференцированы на меры социальной защиты медицинского характера и меры социальной защиты медико-педагогического характера и по своему содержанию выглядят уже более похожими на современные иные меры уголовно-

⁴Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 57

⁶ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // URL: <https://www.museumreforms.ru/node/13973>.

правового характера. Заметим, что воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом, а также удаление из определенной местности изменили свой статус, трансформировавшись из мер социальной защиты в меры социальной защиты судебно-исправительного характера (то есть, по сути, в наказание).

В ст. 24 УК 1926 г. приводятся виды мер социальной защиты медицинского характера: принудительное лечение и помещение в лечебное заведение в соединении с изоляцией. Законодатель в ст. 26 Кодекса предоставил судам большую свободу в применении таких мер. Они вправе были назначать их как вместо мер судебно-исправительного характера, так и в дополнение к ним в зависимости от конкретных обстоятельств.

В указанный период отсутствует как законодательная дифференциация опьянения на виды (было это наркотическое, алкогольное или «медикаментозное» опьянение), так и конкретные нормы, указывающие на меры, которые следует применять к лицам, находившимся в соответствующем состоянии или страдающим алкоголизмом либо наркоманией.

Следующий этап в развитии отечественного уголовного законодательства и, соответственно, положений об иных мерах уголовно-правового характера связан с принятием в 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик⁷ и уголовных кодексов последних. В УК почти всех союзных республик была глава о принудительных мерах медицинского и воспитательного характера, которая отсутствовала в ранее действовавших Кодексах⁸.

Обращаясь к УК РСФСР 1960 г.⁹ (*далее в тексте – УК 1960 г.*) следует иметь в виду, что постоянно развивавшаяся советская уголовно-правовая наука приумножала теоретические разработки, обобщала законодательный и правоприменительный опыт, что определило и

изменило подход к тем или иным, в том числе структурным, проблемам права, поэтому большинство интересующих нас норм получило своего рода некую кодификацию и более четкое описание. В ст. 11 УК 1960 г. говорится о принудительных мерах медицинского характера, о том, к каким лицам они применяются (в частности, в рамках этой нормы – лишь к невменяемым, душевно больным). Однако в качестве значимого этапа динамического развития института иных мер уголовно-правового характера видится разделение, отграничение и более подробное описание принудительного лечения в гл. 6 кодекса.

В период действия названного уголовного закона реализовывались два вектора уголовной политики в отношении лиц, злоупотребляющих психоактивными веществами. Первый из них проявлялся в ужесточении уголовной ответственности за незаконные действия, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в расширении рамок их криминализации. В этом плане примечательны указы Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1974 г.¹⁰, а также от 29 июня 1987 г.¹¹ Последний придал статус преступления потреблению наркотических средств без назначения врача (ст. 224.3 УК РСФСР предусматривала административную преюдицию)¹². В то же время серьезное внимание уделялось профилактическим мерам, направленным на сокращение объемов алкоголизации и наркотизации советского общества. Здесь стоит обратить внимание на ст. 62 УК РСФСР, регламентирующую применение

¹⁰ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1974 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РСФСР» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ был принят в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1974 г. «Об усилении борьбы с наркоманией».

¹¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 июня 1987 г. № 6462-ХІ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и другие законодательные акты РСФСР» // Доступ из ИПС «ГАРАНТ».

¹² В специальной литературе отмечается, что введение этой нормы усугубило ситуацию, связанную с распространением заболеваемости наркоманией, поскольку многие граждане, нуждающиеся в медицинской помощи, отказывались от лечения, боясь уголовного преследования. См., напр.: Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2002. С. 95.

⁷ См.: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Болдырев Е.В., Галкин В.М., Лысков К.И. О системе советского уголовного законодательства // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды. М., 1975. Вып. 2. С. 178-187.

⁹ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в отношении алкоголиков и наркоманов принудительного лечения, а также мер попечения. Последнюю из названных мер тоже следует относить, по сути, к иным мерам уголовно-правового характера. Она весьма специфична, не свойственна всем иным отечественным нормативным актам. В соответствии с ней при назначении наказания, не связанного с лишением свободы, над лицом, совершившим преступление и страдающим алкоголизмом, могло быть установлено попечительство при наличии ходатайства общественной организации или товарищеского суда.

В число принудительных мер воспитательного характера ст. 63 УК РСФСР включала, например, возложение обязанности извиниться перед потерпевшим – публично или иным образом; предостережение; передачу несовершеннолетнего под надзор родителей; помещение в специальное лечебно-воспитательное или воспитательное учреждение и ряд иных.

В 1996 г. был принят новый Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), ставший новым этапом в развитии института иных мер уголовно-правового характера. Он содержал уже самостоятельный раздел «Иные меры уголовно-правового характера», где первоначально регламентировались только принудительные меры медицинского характера. Конфискация имущества была включена в систему наказаний и считалась дополнительным их видом. Дальнейшая эволюция интересующих нас мер происходила в следующих направлениях. Во-первых, в 2006 г. их систему дополнила конфискация имущества, исключенная в 2003 г. из системы наказаний и УК РФ, но впоследствии вернувшаяся в его систему, но уже в ином статусе (гл. 15¹). Во-вторых, в состав названных мер вошел судебный штраф, его включение в разд. IV УК РФ было осуществлено Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323¹³.

Таким образом, лечебные меры и меры предосторожности, о которых речь шла в Руководящих началах 1919 г., стали прообразами соответствующих иных мер

уголовно-правового характера, ныне предусмотренных в УК РФ 1996 г. Сложный эволюционный путь, ими пройденный, подтвердил необходимость и целесообразность их существования в уголовном законодательстве, а также достаточную эффективность их применения в практике борьбы с преступностью и иными формами общественно опасного поведения.

Список цитируемой литературы:

1. Басаев В.А. Историко-правовой анализ становления и развития иных мер уголовно-правового характера в уголовном законодательстве России // Молодой ученый. 2015. №22. С. 557-560. — URL: <https://moluch.ru/archive/102/23029/> (дата обращения 12 декабря 2019 г.).
2. Болдырев Е.В., Галкин В.М., Лысков К.И. О системе советского уголовного законодательства // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды. М., 1975. Вып. 2. С. 178-187.
3. Основы и задачи советской уголовной политики / под ред. Е.Г. Ширвиндта. Москва; Ленинград, 1929.
4. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2002.
5. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2014.
6. Чельцов-Бebutov М.А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925.

The list of the quoted literature:

1. Basaev V.A. Historical and legal analysis of the formation and development of other measures of a criminal legal nature in the criminal legislation of Russia // Young scientist. 2015. No. 22. Pp. 557-560. – URL: <https://moluch.ru/archive/102/23029/> (date of appeal December 12, 2019).
2. Boldyrev E.V., Galkin V.M., Lyskov K.I. on the system of Soviet criminal legislation // Problems of improving Soviet legislation: proceedings. M., 1975. Vol. 2. Pp. 178-187.
3. Fundamentals and tasks of Soviet criminal policy / ed. by E.G. Shirvindt. Moscow; Leningrad, 1929.
4. Prokhorova M.L. Narcotizm: criminal-law and criminological research. SPb., 2002.
5. Russian criminal law. General part: textbook for universities / edited by V.P. Konyakhin, M.L. Prokhorova. Moscow, 2014.
6. Cheltsov-Bebutov M.A. Crime and punishment in history and in Soviet law. Kharkiv, 1925.

¹³ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».